

[Polaris]

Фергус Хьюм



ТАЙНА ПРОФЕССОРА
БРАНКЕЛЯ

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

ССТ



Salamandra P.V.V.

ФЕРГУС
ХЬЮМ

ТАЙНА
ПРОФЕССОРА
БРАНКЕЛЯ

Salamandra P.V.V.

Хьюм Ф.

Тайна профессора Бранкеля. Подг. текста и прим. А. Шермана. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 65 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. ССИ).

В руки немецкого ученого случайно попадает зашифрованный рецепт, составленный алхимиком XIV века. Таинственный документ неуклонно ведет профессора Бранкеля к кровавой развязке. Автор этой небольшой фантастическо-неоготической повести, Фергус Хьюм, считается одним из самых популярных создателей викторианского детектива.

**ТАЙНА
ПРОФЕССОРА
БРАНКЕЛЯ**

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДНЕВНИКА ПРОФЕССОРА БРАНКЕЛЯ

«Право, сэр, в той устрице может оказаться драгоценнейшая жемчужина».

Гейдельберг, 26 Августа 1876 г. — Вчера вечером, подготавливая лекцию по химии для моих студентов, я отправился в университетскую библиотеку навести кой-какие справки насчет химических открытий четырнадцатого века. Мне нетрудно было найти нужные книги — все общеизвестные сочинения. Окончив работу и просматривая в последний раз свою рукопись, я заметил, что забыл проверить заметку о Жиральде фон Брине.

Жиральд фон Брин — знаменитый средневековый алхимик, посвятивший всю жизнь отысканию философского камня. Так как пункт, который мне хотелось разъяснить, имел большое значение, то я стал отыскивать «Жиральда». Долго я рылся, но не мог найти книги. В отчаянии я обратился, наконец, к библиотекарю, который сообщил мне, что видел сочинение «Жиральда» в двух томах с год тому назад, но с тех пор оно ему не попадалось. Он прибавил к этому, что Жиральд вообще малоизвестный автор и до меня никто его не спрашивал, за исключением молодого англичанина, который уехал из Гейдельберга восемь или девять месяцев тому назад. Делать было нечего, книги, очевидно, не было в библиотеке, и я ушел домой в досаде на свою неудачу.

Августа 27. — Сегодня я читал лекцию и, между прочим, сообщил о своей неудаче с «Жиральдом». По окончании лекции один из моих слушателей, г. Бюхлер, подошел во мне и сказал, что он, кажется, знает, где находится «Жиральд». Я спросил его, где, — и он отвечал, что жил в одном доме с молодым англичанином, Блэком, который уехал из Гейдельберга восемь месяцев тому назад. Я тотчас догадался, что это тот самый англичанин, о котором говорил библиотекарь. Г. Бюхлер прибавил, что молодой англичанин был великий почитатель Жиральда фон Бриана и постоянно изучал его сочинения. Я подумал, что мистер Блэк взял Жиральда из библиотеки и, так как после него осталась куча книг, то можно было надеяться, что и Жиральд окажется между ними. Итак, я немедленно отправился с г. Бюхлером в квартиру англичанина и нашел в ней множество старинных книг, преимущественно по химии. Долгое время мы, т. е. я и г. Бюхлер, рылись в них безуспешно, но в конце концов отыскивали «Жиральда» под грудой старых манускриптов. Поблагодарив г. Бюхлера за беспокойство, я унес «Жиральда» к себе и провел над ним ночь, делая выписки для следующей лекции о химии четырнадцатого столетия. Книга была напечатана старинными готическими буквами и переплетена в выцветшую желтую кожу, украшенную гербом Жиральда. Я вскоре убедился, что тут только первый том; очевидно, англичанин увез второй, так как мы с г. Бюхлером пересмотрели книги очень тщательно и не могли бы не заметить его, если б он был.

Августа 28. — Сегодня вечером я курил в своем кабинете после обеда и случайно взглянул на «Жиральда», лежавшего на столе, где я оставил его в прошлую ночь. Я взял его и начал перелистывать, как вдруг из

него выпал клочок бумаги. Я не обратил на него внимания, думая, что это просто книжная закладка, и продолжал читать и переворачивать страницы. Я так увлекся, что, только окончив книгу, заметил, что пробило уже три часа, и моя трубка давно погасла. Я встал, зевая, и хотел было лечь спать, но решил выкурить еще трубочку, и оглянувшись, нет ли поблизости клочка бумаги, чтобы раскурить ее. Взгляд мой упал на лоскуток, выпавший из книги; он валялся под столом; я поднял его и, скрутив в трубочку, хотел зажечь на лампе, как вдруг заметил какие-то слова. Я развернул его и стал рассматривать. Оказалось, что это была не бумага, а кусочек пергамента, пожелтевший от времени. Он так загрязнился, что я мог разобрать на нем только букву «V» и слова «*erecipsa*» и «*is*», смысл которых был для меня непонятен. Я знал, что буква «V» означает по-римски «пять», что «*is*» — английское слово, но что значит «*erecipsa*»? Всматриваясь внимательнее, я заметил еще какие-то слова, но не мог их разобрать под слоем грязи при тусклом свете лампы. Ввиду этого я решился отложить чтение до следующего дня.

Августа 29. — Окончив лекцию, я поспешил домой, желая заняться таинственным пергаментом. Я осторожно обмыл его теплой водой и с помощью сильной лупы принялся разбирать видневшиеся на нем слова. Они были написаны готическими буквами и я переписал их слово в слово современным шрифтом. Вот точная копия этих слов:

«IV. X. II. *Seremun sudlariG, V silev erics arutuf is... amenev saecsim euqsatib alli taedua atiretearp erecipsa?... is sumina mutnat utitser alos etsev simina ni te silev ereuxe ilos metsev VVRLXXLR.*».

Очевидно, это была криптограмма, т. е. буквы были умышленно перестановлены, чтобы скрыть смысл слов. Я решился разобрать ее. Жиральд фон Брин, хотя и малоизвестный химик, мог случайно открыть какую-нибудь тайну, оставшуюся неизвестной для его более знаменитых современников. Итак, мне предстояло найти ключ к шифру и разгадать смысл криптограммы. Прежде всего представился вопрос, как же приняться за дело. Пергамент не давал ответа; я отложил его и стал придумывать метод решения вопроса. По странной случайности я незадолго перед тем читал естественно-исторический роман Жюль Верна «Путешествие к центру земли» и вспомнил, как там остроумно разгадывают криптограмму. Я достал роман monsieur Верна и перечел относящееся сюда место; затем снова взялся за пергамент. Заключительные буквы *VVRLXXLR* были подчеркнуты; очевидно, они имели важное значение. Они были несколько отделены от остального текста. Я заметил, что цифры пять и десять повторяются по два раза. Сложил их, получилось тридцать; пересчитал слова криптограммы (включая и римские цифры), оказалось тоже тридцать. Очевидно, в этих буквах находился ключ к надписи. Я ломал над ним голову часа четыре-пять, стараясь разгадать его значение. Наконец, с досадой отбросил пергамент и улегся спать. Всю ночь меня преследовал кошмар: мне казалось, что я криптограмма, которую кто-то пытается разобрать.

Августа 30. — Целый день я размышлял о криптограмме, пытаясь найти связь между заключительными буквами и надписью. Вернувшись домой, я заперся в кабинете и принялся за пергамент. Заключительные значки *VVRLXXLR* снова бросились мне в глаза; на этот раз я обратил внимание на буквы. Что бы мог-

ли значить *RL* и *LR*? Одни и те же буквы, но в обратном порядке? Думая об этом, я случайно взглянул на Талмуд, лежавший на письменном столе, и вспомнил о странной особенности еврейского языка читать с конца и справа налево. Вспомнив об этом, я взглянул на значки и тотчас решился применить к ним этот метод.

VVRL, очевидно, означает читать *V* и *V* справа налево, тогда как *XXLR* — читать *X* и *X* слева направо. Всего в криптограмме тридцать слов; итог подчеркнутых цифр тоже тридцать. Без сомнения, криптограмма разделена на две группы по пяти и на две по десяти слов; может быть, я разберу ее, если отсчитаю пять слов сначала и прочту их справа налево. Но отсчитать ли два раза по пяти, а потом два десятка? Не должно быть. Если тут две пятерки и два десятка, то автор криптограммы, вероятно, разместил бы их так: *VV, RL, XX, LR*, чтобы ввести в заблуждение читателя. Итак, лучше разделить криптограмму на отделы пять, десять, пять, десять и прочесть их как выше означено.

Следуя этой методе, я прочел первые пять слов справа налево, следующие десять слов направо, и поступил точно так же с остальными двумя группами. Вот что получилось:

sudlari Gseremun II. X. IV.

V silev erics arutuf is euqsatib saecsim amenev alli taedua

mutnat sumina is....?erecipsa atiretearp

utitsev alos etsev simina ni te silev ereuxe ilos metsev.

Поместив их в одну линию, я получил:

sudlariG seremun II. X. IV. V. silev erics arutuf is.... euqsatib saecsim amenev alli taedua mutnat sumina

*is....? erecipsa atiretearp utitsev alos etsev simina ni te
silev ereuxe ilos metsev.*

Таким образом, документ принял более удобочитаемый вид и я надеялся разобрать его.

Однако он все же начинался бессмыслицей. В сущности, тут не было слов, а только беспорядочно расставленные буквы. Я положил его на стол, закурил трубку и погрузился в размышление, стараясь найти какой-нибудь способ чтения. Потом я взял роман Жюль Верна и раскрыл его на двадцать восьмой странице. Просматривая ее, я дошел до последней фразы на странице: «— Ага! мудрый Сатенуссемум, — воскликнул он, — вы написали свое изречение навыворот».

Я отбросил книгу и трубку и схватился за пергамент, чтобы приложить тот же метод к моей криптограмме:

*Vestem soli exuere velis et in animis veste sola vestitu
praeterita aspicere? Si animus tantum audeat illa vene-
ma misceas bitasque. Si futura scire velis V. IV. X. II. nu-
meres Giraldus.*

Наконец-то я разгадал загадку. Это была латынь — и какая ужасная латынь! Но все же я без труда понял ее и перевел на немецкий язык:

— «Хочешь ли сбросить свое земное платье и, оставшись только в духовном, узреть прошлое? Если решишься, смешай эти снадобья и выпей; если же хочешь узнать будущее, возьми V. IV. X. II. Жиральд».

Когда я прочел эти удивительные слова, голова моя закружилась и я, пошатываясь, добрался до стола, налил стакан бренди и выпил. Подумать, что я снова открыл чудесную тайну и притом совершенно случайно!

Какую бесконечную власть доставит мне обладание ею! Смешать снадобья!.. но какие же снадобья? В криптограмме о них не упоминалось. Я снова взялся за увеличительное стекло и тщательно осмотрел пергамент. Наконец мне удалось найти маленькие красные буквы, по-видимому, греческие. Мое стекло было недостаточно сильно и я послал к одному из своих братьев-профессоров, г. Паламаму, за его лупой. Получив ее, я стал разбирать красные буквы и наконец разобрал. Тут были указаны редкие и ценные снадобья, но я не доверю их даже тебе, мой дневник, так как и в тебя может проникнуть чей-нибудь пытливым глаз. Я ни с кем не разделю моего могущества; но буду один блуждать в царстве прошлого.

II

ПРОДОЛЖЕНИЕ ВЫДЕРЖЕК ИЗ ДНЕВНИКА ПРОФЕССОРА БРАНКЕЛЯ

Если это находится
Где-нибудь в пределах земного шара,
Я узнаю его тайну до восхода солнца.

Октябрь 16. — С великим трудом достал я, наконец, дорогие и редкие снадобья; смешал их и получил бесцветную жидкость вроде воды, без всякого вкуса и с слабым ароматом восточных специй. Сегодня вечером я в первый раз испытаю силу этого напитка, и если он окажется таким, как обещано, то кто сравнится со мной в могуществе? О, какая чудная перспектива! Душа моя освободится от тяжелых земных оков и помчится, легкая, как ветер, сквозь бесконечные периоды прошлого. Столетия будут катиться передо мной, как волны Иордана перед освобожденными иудеями. По моему повелению Время, ненасытное Время, станет отдергивать передо мной пестрые завесы прошлого и поставит меня лицом к лицу с минувшими днями. Я полечу на эфирных крыльях сквозь бесконечные зоны прошлого ко вратам мироздания.

Октябрь 17. — Я провел ночь под влиянием эликсира и результат более чем превзошел мои желания и ожидания. О, как описать великолепие сцен, развертывавшихся передо мною! Язык человеческий не в силах передать, перо бессильно описать их. Они, как семь труб Апокалипсиса, изменяли свои голоса и теперь должны быть запечатаны — только духовное око

человека может их видеть, и бесполезно пытаться дать хотя слабое представление о них. Как несносен день и как жадно я жду холодной спокойной ночи, когда снова сброшу с себя эту брэнную плотскую оболочку и облачусь в духовное платье. Какой монарх сравнится со мной могуществом? Для мира я профессор химии в Гейдельберге — для себя самого я полубог; мне одному дано видеть прошлое и сообщаться с могущественной смертью.

Октябрь 18. — Еще раз я побывал в минувших веках. Моя нога попирала пыльные и безмолвные полы дворца Времени и, облаченный в духовную одежду, я снова видел его пустынное великолепие. Но остается еще будущее. Как мне отдернуть завесу перед алтарем Времени и проникнуть в Святая Святых? Как мне увидеть воочию жребий, уготовленный для человечества, торжественное осуществление цели мироздания? Что значат таинственные слова криптограммы: «Если хочешь познать будущее, возьми V. IV. X. и II. Жиральд»? Я тщетно перечитывал книгу; в ней не оказалось и намека на ключ к этой тайне. Какое снадобье отдернет для меня завесу Времени и позволит увидеть его глубочайшие тайны? Ключ, очевидно, в числах, но как до него добраться? Я думал над этим целые часы, но ничего не добился.

Октябрь 19. — Eureka! Нашел! Наконец-то я понял смысл таинственной фразы. После бессонной ночи я наткнулся на решение, которое кажется мне несомненным. Я пришел к заключению, что цифры означают пятое слово на четвертой строчке десятой страницы второго тома Жиральда. Но как достать второй том? Я еще раз отправился в квартиру молодого англичанина, перерыл все его книги, но не нашел и следов исчез-

нувшего тома. Я обратился к г. Бюхлеру и он сообщил мне, что англичанин учился в Гейдельбергском университете в течение двух лет (тут я припомнил худого, трупобразного юношу, посещавшего мои химические лекции). Он уехал из Гейдельберга, получив, по его словам, неожиданное известие о смерти отца. Может быть, он захватил с собою второй том Жиральда, так как постоянно читал его. Я спросил у г. Бюхлера, почему же он так интересовался этим автором? Он отвечал, что г. Блэк старался найти философский камень, о котором Жиральд сообщает во втором томе. После этого у меня не осталось никаких сомнений насчет участи второго тома. Теперь мне остается одно — отправиться в Англию на поиски. Неужели же из-за случайной потери книги мне отказаться от обещанного великолепия? Нет, — и тысячу раз нет! еду в Англию...

Октября 29. — Я разузнал все, что было возможно, насчет англичанина, но это все оказалось очень недостаточным. Г. Бюхлер сообщил мне, что спустя два месяца по отъезде Блэка из Гейдельберга, он получил от него письмо из отеля «Якорь» в Лондоне. Вот и все сведения, которые мне удалось получить. Теперь мне нужно разыскать отель «Якорь», а дальнейшие мои действия будут зависеть от того, что я там узнаю. Моим друзьям известно, что я предпринимаю небольшую экскурсию в Англию; у меня есть письма к профессору Гому в Оксфорде и к сэру Гильберту Харкнессу из Аштон-холла в Хэмпшире. Последний, большой любитель редких и любопытных книг, составил огромную библиотеку. Я рассчитывал, что он поможет мне найти «Жиральда». Но он не узнает, зачем мне нужен Жиральд, — ни один смертный не узнает моей тайны; я ни с кем не разделю своего могущества.

Ноября 10. — Пишу в отеле «Якорь», в Лондоне. Удалось достать кое-какие сведения о молодом англичанине. Отель «Якорь» — дрянная гостиница на узкой, темной улице; в ней останавливаются только бедные люди. Я спросил у хозяина, не помнит ли он некоего г. Блэка, останавливавшегося у него полгода тому назад, причем описал наружность молодого англичанина. Хозяин, — толстый, жирный, глупый англосакс, — ничего не помнил, но его жена, бойкая, живая особа, вспомнила. По ее словам, Блэк прожил у них с месяц и заплатил вперед, хотя с виду казался очень бедным. Он постоянно читал и разговаривал сам с собой. Однажды он забрал все свои вещи и, сказав, что пойдет к букинисту Блэку, ушел из гостиницы; с тех пор его и не видали. Поблагодарив хозяйку, я отправился отыскивать лавочку Блэка. Может быть, этот Блэк его отец; во всяком случае они, наверно, родственники.

Ноября 11. — Целый день я безуспешно разыскивал букиниста Блэка. По-видимому, он не пользуется известностью; однако, уже под вечер, какой-то полисмен сообщил мне, что такой букинист есть на Ван-стрит. Завтра схожу туда.

Ноября 12. — Я нашел лавочку Блэка, но не «Жиральда». Она оказалась на Ван-стрит, как и говорил полисмен. Она стиснута между двумя большими домами и имеет очень жалкий вид. Я вошел и спросил несколько книг. Хозяин — маленький седенький старичок в порыжевшей черной паре. Я завел с ним разговор о том, о сем, и наконец спросил, есть ли у него сын. Он отвечал, что его сын умер месяца три назад, по возвращении из Германии, куда ездил учиться. Я назвал себя и старик, по-видимому, обрадовался. Он очень гордился своим сыном. Я спросил его, не привез -

ли его сын из Германии второй том сочинений Жиральда фон Бриана. Старик подумал и отвечал утвердительно. Я спросил, где теперь эта книга. Старик отвечал, что продал ее месяц тому назад какому-то джентльмену. Фамилии его он не знал, но знал, что у него лучшая библиотека старинных книг в Англии и что он пишет историю химии. Это, должно быть, сэр Гильберт Харкнесс. У него огромная библиотека и мне говорили в Германии, что он пишет историю химии. Вероятно, «Жиральд» понадобился ему для справок. Я поблагодарил старика и ушел из лавчонки. Теперь я не сомневаюсь, что книга находится в библиотеке сэра Гильберта Харкнесса. Поеду к нему завтра.

III

В БИБЛИОТЕКЕ

Взгляни на сих, на их различный вид –
Ученый – и поклонник книг,
И оба знаньями по-разному полны.

Сэр Гильберт Харкнесс был книгоед. Всю свою жизнь он возился с книгами, так что, наконец, они сделались как бы частью его самого. Забравшись в цитадель его сердца, они (книги) пожрали и вытеснили все остальные страсти, так что в конце концов в его сердце не оставалось места ни для чего, кроме книг. Когда ему исполнилось пятьдесят лет, мозг его был утомлен тяжеловесной грудой знаний, а глава ослабели вследствие неустанной работы над приобретением этой тяжеловесной груды. Оставшись сиротой в возрасте двадцати лет, владельцем огромного состояния и полным хозяином своих действий, он тратил все свое время и значительную часть денег на наполнение полок своей библиотеки. Он не жалел никаких издержек на приобретение редкой и дорогой книги, и каждый раз, бывая в Лондоне, рылся в запыленных сокровищах букинистов. Надо было видеть, как он ухаживал за своими сокровищами. О, как нежно он отирал пыль с переплета какой-нибудь старинной книги; как жадно впивались его глаза в их пожелтевшие страницы, покрытые готическими буквами! Он уважал Фауста и Кекстона¹

¹ У. Кекстон (ок. 1422- ок. 1491) – английский первопечатник, писатель, дипломат и книготорговец, основатель первой в истории типографии в Лондоне (1476) (*Здесь и далее прим. ред.*).

больше всех на свете и относился к ним с таким же почтением, с каким мир относится к великим героям. Он готов был по целым часам рассуждать о необычайной прелести шрифта Джона Спирсы¹ и с гордостью показывал старинный том Кекстона, который ему удалось подцепить в какой-то грязной лавчонке. Но ненасытная страсть к книгам пожрала все остальные его страсти и вне своей библиотеки он был прост, как ребенок. Он выходил только на поиски за книгами, проводя все остальное время в библиотеке, составляя каталог своих сокровищ и работая над историей химии в Германии. Желая дать полный и критический обзор этого предмета, он собрал с громадными издержками бездну книг немецких химиков. Он был высокий, худощавый человек, сутуловатый — без сомнения, вследствие сидячей жизни, и в своем длинном бархатном халате, в бархатной шапочке, из-под которой выбивались седые волосы, выглядел каким-то средневековым магом.

Он стоял у окна, рассматривая близорукими, усталыми от долгой работы глазами пожелтевшие листы какой-то книги, которую только что получил из Лондона. Вокруг него от пола до потолка возвышались ряды книг всевозможных форматов и во всевозможных переплетах. Они загромождали все полки и местами возвышались кучками на полу. Они лежали на стульях, на письменном столе, на окнах, торчали из карманов его халата — словом, всюду, куда ни оглянешь, виднелись книги, книги и книги!

Боже! сколько учености и труда было собрано в этих четырех стенах! Восток, запад, север, юг; древние, средневековые и современные представители всех стран и

¹ Т. е. немецкого книгопечатника Иоганна фон Шпейрера, который вместе со своим братом Венделином работал в Венеции в 1468-1477 гг. Изданные ими книги славились изяществом шрифтов.

всех народов собрались здесь. О, тени Фауста, Гутенберга и Кекстона, если души усопших могут посещать наш мир, придите и усладите ваши духовные очи лицезрением вашего потомства. В этих бесчисленных, пестрых фолиантах хранится дух прошлых веков. Здесь вы найдете вдохновеннейшего певца всех времен и народов, Шекспира, стиснутого между двумя досками, связанного крепче, чем джинн под Соломоновой печатью в арабских сказках. Разверните этот безобразный бурый фолиант — здесь Гомер и вся свита его героев. Улисс усталыми глазами всматривается в даль, направляя корабль к скалистым берегам Итаки; Елена в блеске царственной красоты стоит на троянской башне; Ахилл свирепствует под стенами Илиона над телом своего друга. Все, все они здесь, и явятся по первому твоему зову в своей неувядаемой, вековой красе. Никакой некромант средних веков не мог вызвать столько духов и фантастических существ, как ты, Гильберт Харкнесс.

Короткий ноябрьский день близится к концу и готические буквы сливаются в неясную сплошную линию в глазах сэра Гильберта. Стук в дверь библиотеки заставляет его встрепетаться, он кладет книгу на стол и говорить:

— Войдите.

Входит слуга с карточкой, которую сэр Гильберт подносит к окну и читает при слабом сероватом свете:

— Отто Бранкель.

— Введите этого господина, — говорит он и снова смотрит на карточку. — Бранкель? Бранкель? где я слышал эту фамилию? В Нюрнберге? Лейпциге? — бормочет он задумчивым тоном.

— Нет! в Гейдельберге, — прерывает его чей-то голос и, оглянувшись, он видит перед собою высокого

статного господина в длинном меховом пальто, который глядит на него с улыбкой.

— Гейдельберг, — повторил сэр Гильберт. — Ах, да; ведь вы там читаете химию?

— Имею эту честь, — отвечал гость, усаживаясь в кресло, предложенное баронетом. — Я должен просить извинения за несвоевременный визит, но у меня есть к вам рекомендательное письмо от профессора Шлаадта и мне так не терпелось, что я решил не откладывать посещения.

Баронет взял письмо и, пробежав его, с чувством пожал руку профессору.

— Душевно рад познакомиться с вами, профессор, — сказал он. — Я много слышался о вашей эрудиции и исследованиях.

— Сущие пустяки, — отвечал профессор, махнув рукою. — Капли знания, почерпнутые в бесконечном океане науки. У вас здесь замечательная коллекция книг. Я слышал о вашей библиотеке в Германии.

При этом он оглянул пытливым взором темные углы комнаты.

— Ах, вам еще не все видно, — сказал сэр Гильберт с благодарной улыбкой, когда слуга принес лампу и поставил ее на письменном столе. — При этом тусклом свете библиотека выглядит не авантажно.

— Слава ее проникла и в Гейдельберг, — заметил профессор, снова оглядывая комнату.

— Быть может, потому, что у меня много ваших, немецких химиков, — отвечал сэр Гильберт. — Вы знаете, я пишу историю химии.

— Есть у вас какие-нибудь алхимики четырнадцатого столетия, т. е. их сочинения? — спросил Бранкель притворно равнодушным тоном.

— О, да, — отвечал баронет, указывая в темный угол комнаты, на который жадно устремились глаза про-

фессора. — Вон там у меня Ростгам фон Гельм, Градиус, Жиральд.

Руки профессора, державшиеся за ручки кресла, слегка дрогнули при этом последнем имени. Однако он заметил вполне равнодушно:

— Жиральд? Ведь это, кажется, редкая книга?

— Да, — отвечал баронет. — Я приобрел ее случайно. Я...

— О, отец! Отец! — раздался свежий, звонкий голос.

И молодая девушка в амазонке, забрызганной грязью, вскочила в окно комнаты.

— Великолепная охота. Фидль-ди была на высоте: я успела к концу, — и она показала лисий хвост. — Как и Джек. Из дам была я одна. Мы приехали домой за полчаса и почти загнали лошадей. Джек из кожи лез целый день; за это я пригласила его обедать. Войди, Джэк.

Молодой джентльмен в охотничьем костюме, тоже забрызганном грязью, вскочил таким же манером в окно в ответ на это приглашение. Он с улыбкой подошел к сэру Гильберту, когда девушка заметила профессора, который встал при ее появлении и стоял в тени.

— У тебя гость, папа, — сказала она небрежно, перекладывая с одной руки на другую шлейф амазонки. — Представь же меня.

— Моя дочь, Филиппа. Профессор Бранкель, — сказал сэр Гильберт несколько сконфуженным тоном. — Я бы желал, Филиппа, чтобы ты входила через дверь, как христианка, а не в окно, точно...

— Точно язычница, да, папа? — подхватила Филиппа, смеясь.

Она смотрела на профессора, глаза которого, казалось, действовали на нее магнетически. Немец выступил из тени и свет от лампы падал на его лицо, которое девушка рассматривала с любопытством. Это было

замечательное лицо, бледное, как смерть, с черными волосами, зачесанными назад над высоким лбом, густыми черными бровями, с мефистофельским изгибом над светлыми, блестящими глазами, тонким горбатым носом, нервным ртом без усов и без бороды. Такова была наружность знаменитого немецкого химика.

Филиппа, казалось, была околдована этим странным лицом и огненными глазами, устремленными на нее. Между тем, эта девушка вовсе не легко поддавалась чарам, скорее напротив: это была смелая дерзкая натура, не знавшая страха. Но в пристальном, жгучем взгляде профессора было нечто, подчинившее ее сразу.

Она была высокая, стройная девушка, очень красивая, с густыми черными волосами, выбивавшимися из-под легкой шапочки, надетой набекрень. В глазах ее светилось веселье и лукавство, а довольно большой рот, улыбаясь, обнаруживал два ряда ровных белых зубов. Она была восхитительна в темно-голубой амазонке, белых перчатках и полотняном воротничке, зашпиленном хорошенькой брошкой. Это было своевольное и самостоятельное создание. Мать ее умерла, когда она была еще младенцем; отец, погруженный в свои книги, мало заботился о воспитании дочери, и она выросла на воле, почти без призора. Иногда она обнаруживала желание учиться и удивляла всех своими быстрыми успехами. Иногда же не хотела брать в руки книгу и поочередно раздражала и забавляла своих близких своими выходками.

Она превосходно ездил верхом и большую часть детства провела, разъезжая по округу на шотландском пони, с Джеком.

Джек, иначе лорд Дольчестер, был старший сын графа Чишама, состояние которого почти равнялось состоянию сэра Гильберта. Джек и Филиппа были все-

гда вместе и дикая молодая леди следовала за Джеком всюду, куда он ни забирался. Она перенимала его манеры и язык, почему ее речь была переполнена сильными выражениями. Но всему бывает предел и сэр Гильберт догадался в один прекрасный день, что следовало бы подумать о воспитании своего заброшенного отпрыска. Он написал в Лондон к своей замужней сестре, а та немедленно рекомендовала ему французский пансион. В одно прекрасное утро мисс Филиппа была схвачена и отправлена в изгнание, а ее товарищ по бродяжничеству, Джек, — в Итон. Вернувшись из галльского изгнания, она нашла Джека таким же, как прежде, а он ее такой же красавицей, как всегда (так он решил). Их отношения, однако, изменились: теперь уже не Филиппа следовала за Джеком, а Джек за Филиппой. Он восхищался ею, как единственной девушкой в околоте, которая могла ездить верхом и рассуждать о лошадях не хуже барышника. При том же он знал ее так давно, что имел полную возможность заметить все ее недостатки и не заметил ни одного. Придя к заключению, что она «прекраснейшая девушка, какую только случалось ему видеть», он однажды явился к ней и решительно просил ее руку, в которой она столь же решительно отказала, деликатно посоветовав ему не быть идиотом. Однако лорд Дольчестер настаивал и в конце концов мисс Харкнесс, которая, в сущности, любила его — согласилась. Все местные дамы признавали Филиппу «неблаговоспитанной девушкой» и выражали сожаление, что сэр Гильберт не женился вторично и не доставил какой-нибудь представительнице женского пола случая посвятить Филиппу в тайнства хорошего тона. Они ужасались ее свободным манерам и энергическим выражениям, которых не могло истребить даже французское воспитание. Одно время прошел слух, будто она выкурила целую па-

пиросу, и Филиппа со смехом заявила, что это правда, — даме, которая спрашивала ее об этом. Когда же она подцепила в лице лорда Дольчестера самого завидного жениха во всем округе, дамы, как вы можете себе представить, отнюдь не сменили гнев на милость. Они признавали ее, как неприятный факт, и надеялись, что она исправится со временем. Зато представители мужского пола любили Филиппу, потому что она была хороша собой и подшучивала над соседями. Вообще же было признано, что это особа взбалмошная, и что ей нужна хорошая узда, которую вряд ли наденет на нее лорд Дольчестер.

Это был ражий и рыжий детина шести футов ростом, который ездил верхом, стрелял и боксировал как никто в околоте. Он был недурен собою, имел крупный титул, крошечный мозг и обожал Филиппу.

Мисс Харкнесс с натянутым смехом отвела взгляд от странного лица, глядевшего на нее, и представила лорда Дольчестера.

— Вы, конечно, останетесь у нас обедать, профессор?— сказал сэр Гильберт.

Профессор поклонился, а Филиппа ушла переодеться к обеду.

Джек последовал за ней, чтобы привести себя в более приличный вид, так как платье, в котором человек охотился целый день, разумеется, не особенно представительно для обеда.

Профессор остался наедине с сэром Гильбертом и думал, глядя на него:

— Желал бы я знать, где у него «Жиральд».

IV

ЗА СТОЛОМ

Верите ли вы в переселение душ, сэр?
Без сомнения, нет, но я могу вас уверить,
Что он был змеей, прежде чем стал
человеком...

Самый восхитительный час дня, бесспорно — час обеда, в особенности после охоты. Так, по крайней мере, думал лорд Дольчестер. Несмотря на свое забрызганное платье (которое он тщетно старался привести в приличный вид), он уселся за стол в самом благодушном настроении.

Белая скатерть, цветы из оранжереи, сверкающее старинное серебро, тонкий фаянс представляли очень приятную картину при мягком свете ламп с розовыми колпаками, и лорд Дольчестер чувствовал расположение ко всему миру.

Рядом с ним сидела Филиппа, загорелая и прекрасная, в нарядном обеденном туалете, разговаривая о приключениях дня.

На первом месте сидел сэр Гильберт, ведя оживленную беседу о книгах с профессором, который сидел рядом с ним.

Дольчестер с первого же взгляда невзлюбил немца и Бог знает почему называл его в душе шарлатаном.

Может быть, плавная речь иностранца и магнетическая сила его удивительных глаз привели его к этому заключению.

Во всяком случае, присутствие профессора было для него единственным диссонансом в общей гармонии

этого вечера.

— Мне стыдно моего костюма, сэр Гильберт, — сказал он. — Я хотел съездить домой переодеться, но Филь не пустила меня.

— Ну, конечно, — со смехом подхватила леди, — иначе ты вернулся бы сюда только в полночь. — Впрочем, к чему ты оправдываешься? — продолжала она шутливо, — ведь это уж не в первый раз. И всякий раз ты извиняешься в одних и тех же выражениях. Почему бы не исполнять свои слова на деле?

— Потому что ты не пускаешь меня, — с улыбкой отвечал Джек, опрокидывая в рот стакан вина.

— Хорошо поохотились сегодня? — спросил профессор, устремив на Джека свои огненные глаза.

— Великолепно, — с одушевлением отвечал молодой человек, отнимая ото рта полуопорожненный стакан. — Стоило посмотреть, как водила нас лисица. Мы подняли ее за мельницей Мастертона. Тут встретился нам такой забор и канава, что половина охотников остановилась, но мисс Харкнесс перелетела через них как птица, а я за ней. Мы, кажется, в одно время оказались на другом поле, — прибавил он, обращаясь к девушке, которая слушала его с сверкающими глазами.

— Да, — отвечала она с живостью, — а помнишь, Джек, как шлепнулся старый сквайр Дарнер?

— Прямо в канаву!

— Он хотел во что бы то ни стало опередить меня, и я не могла удержаться от смеха, когда он шлепнулся.

— Поделом ему, — проворчал Джек, который не признавал за кем либо, кроме себя, права опережать мисс Харкнесс. — Он слишком стар для этого.

— О, да! Ты тоже бросишь охотиться, когда будешь в его летах, Джек? — сказала Филиппа насмешливо.

— Во всяком случае, я не буду соваться не в свое дело, — возразил Джек и усердно принялся за еду, избегая ответа.

Филиппа засмеялась и стала рассуждать о недавно купленной лошади и ее удивительных качествах.

Джек отвечал с увлечением и вскоре их разговор принял такой «лошаднический» характер, что мог быть понятен только ньюмаркетскому наезднику или герою Уайт-Мелвилла¹.

Тем временем двое ученых вели столь же специальную беседу о высших отраслях знания.

Наконец профессор искусно навел разговор на тему, которая давно занимала его.

— Вы начали рассказывать мне о том, как вам удалось приобрести «Жиральда», — сказал он, небрежно играя с стаканом.

— А, да, — отвечал сэр Гильберт, откидываясь на спинку кресла. — Замечательная удача. Мне давно хотелось приобрести его сочинения, но я и представить себе не мог, где их искать. Приезжаю в Лондон с тем, чтобы поручить моему агенту поискать их в континентальных библиотеках, и как-то, случайно, захожу в книжную лавчонку какого-то Блэка...

— Блэка?—переспросил профессор.

— Да, и нахожу у него Жиральда, то есть только второй том. По его словам, книга была привезена из Германии его сыном, который недавно умер.

— Только второй том?

— Желал бы я знать, где первый.

— Мне кажется, я могу удовлетворить ваше любопытство, — холодно отвечал немец, наклоняясь к нему.

¹ Д. Уайт-Мелвилл (1821-1878) – шотландский писатель и поэт, прославился благодаря произведениям о спорте, охоте и т.п.

— Первый том находится в Гейдельбергской библиотеке.

— Да? — с удивлением спросил сэр Гильберт. — Но почему же они разрознены?

— Сын букиниста, о котором вы изволили упомянуть, два года учился в Гейдельбергском университете, — отвечал профессор, нервно играя кольцом, украшавшим его палец. — Он был большой почитатель Жиральда и, уехав из Гейдельберга, увез с собою книгу, т. е. второй том. Первый я случайно нашел в его комнате.

— Как? вы искали его? — спросил сэр Гильберт.

— Да, — отвечал Бранкель. — Мне он понадобился для лекции, однако я не смог проиллюстрировать свое положение без Жиральда.

— Я должен отослать книгу в Гейдельберг, — сказал смущенным тоном сэр Гильберт, — раз она взята из тамошней библиотеки.

— Нет, к чему же? — спокойно отвечал профессор. — Жиральд малоизвестный алхимик, и если вы согласны заплатить университету за оба тома, то, вероятно, и первый получите. Кстати, сэр Гильберт, я останусь в Англии с полгода и готов оказать вам всяческое содействие.

— О, благодарю вас, — горячо сказал баронет. — Вы меня очень обяжете. Где вы остановились?

— Пока в гостинице в Лаунчестоне, — отвечал немец, — но я нанял дом неподалеку от вас и переселюсь туда через неделю. Затем вы будете видеть меня довольно часто в вашей библиотеке.

— Милости просим, — сказал сэр Гильберт, — но где же этот дом?

— Он называется «Вольфден», — отвечал профессор.

— Вольфден!¹ — воскликнула Филиппа. — Неужели вы будете там жить, профессор?

— Да, а что? — спросил последний, удивленный этим неожиданным вмешательством в их разговор.

— Это такое печальное место, — отвечала она с легким нервическим смехом, так как чувствовала на себе его змеиный взгляд, — и к тому же необитаемое вот уже двадцать лет. Там показывается только дух прежнего владельца, который удавился.

— Дух? Ба, — с усмешкой отвечал профессор, — я не боюсь духов. Мы живем в девятнадцатом веке.

— Есть ли там духи или нет, я, во всяком случае, не хотела бы там жить, — отвечала Филиппа, вставая, — это такое сырое и вредное для здоровья место. — При этом она с легким поклоном проскользнула в дверь, которую распахнул перед ней профессор, за что и получил мрачный взгляд со стороны лорда Дольчестера, считавшего подобные услуги Филиппе своей привилегией.

Ученые продолжали беседу о научных предметах, попивая вино, и лорд Дольчестер, покашляв сердито над стаканом, встал и отправился в гостиную за мисс Харкнесс.

Молодая леди сидела у камина, устремив мечтательный взор на раскаленные уголья.

Он подошел к ней и, облокотившись на каминную доску, с улыбкой взглянул на девушку.

— Мечтаешь, Филь?

— Я думала о профессоре, Джек, — рассеянно отвечала она, откинувшись на спинку кресла и скрестив руки. — Станный человек, не правда ли?

— Мне он не нравится! — сердито заметил Джек.

¹ Букв. «волчье логово» (англ.).

— Мне тоже, — отвечала она, — но у него замечательное лицо: точно Мефистофель. Я мало знакома с поэзией, но когда гляжу на него, то невольно думаю, что такие глаза были у ведьмы в «Кристабели»¹ — глаза змеи.

— Долго он здесь пробудет? — спросил Дольчестер, толкая уголья ногой и вызывая целый фонтан искр.

— Шесть месяцев. Дай мне веер, Джек, ты так разсжег уголья, что у меня лицо горит.

Джек исполнил ее желание и, опустившись на колени подле нее, с улыбкой заглянул ей в лицо.

— Оставим в покое профессора, милочка, — сказал он, завладев ее рукой, — и поговорим о чем-нибудь более интересном.

Должно быть, разговор оказался действительно интересным, потому что, когда профессор и сэр Гильберт спустя полчаса вошли в гостиную, Джек все еще стоял в той же позе, и рука Филиппы гладила его рыжие кудри.

Заметив вошедших, Джек вскочил на ноги и, по-видимому, глубоко заинтересовался висевшей подле него картиной; тогда как мисс Филиппа устремила все свое внимание на китайскую живопись, украшавшую ее веер.

Профессор взглянул на них с усмешечкой, которая возбудила в Джеке страстное желание «свернуть шею этому бездельнику», и по просьбе Филиппы уселся за фортепьяно и начать играть. Сэр Гильберт задремал в кресле перед камином, Джек уселся против него и, опершись локтями на колени, положил подбородок

¹ «Кристабель» (ок. 1797-1800) — поэма выдающегося английского поэта-романтика С. Т. Кольриджа (1772-1834).

на руки и уставился на Филиппу, которая играла вее-
ром и смотрела на огонь.

Профессор в полутемной комнате играл Мендель-
сона и Шуберта. Времяпровождение это «имело свою
приятность», как выразился про себя Джек, но опять-
таки присутствие немца досаждало ему. Притом же
Джек не был поклонником музыки и предпочитал ве-
сельные охотничьи песни Уайт-Меллвила всей страсти
и мелодичности величайших музыкальных светил.

Но все-таки в игре профессора было что-то прият-
но усыпительное, подходившее к обстановке.

Внезапно он остановился и сказал:

— Теперь я сыграю вам вещь собственного сочине-
ния. Она называется «Грезы».

Он начал низким крещендо минорных арпеджио в
басу, но постепенно звуки поднимались и становились
громче, одушевленное; затем темп изменился, пере-
ходя в плавные, серебристые аккорды колыбельной
песни, как будто волны сна смыкались над головой
спящего.

Далее чистые, ясные аккорды интродукции смени-
лись бурными звуками марша, в которых слышался
грохот барабана, топот массы ног, и серебряные звуки
труб, переходившие в грустную патетическую мело-
дию, дышавшую предсмертной тоской и скорбью.

Поток серебристых звуков, точно летний дождь на
море, и дикий, фантастический, капризный вальс, на-
поминавший воздушные композиции Шопена.

Затем прекрасная плавная модуляция с удивитель-
ными протяжными аккордами, перешедшая в изящ-
ную баркаролу, точно лодка скользила по летней гла-
ди безбрежного моря, направляясь к пылающему за-
кату, теряясь вдали...

— Ей Богу, Джек, сегодняшняя охота была лучшая
в этом году.

Филиппа долго сидела в задумчивости, прежде чем произнесла эту банальную фразу.

Профессор воображал, что она слушает музыку, в то время как ее мысли блуждали среди золотистых полей, где мчится, уходя от охотников, стройная лисица.

Он с треском захлопнул фортепьяно и встал.

— Вы будете у нас завтра? — спросил сэр Гильберт, прощаясь.

— Непременно, — с улыбкой отвечал профессор. — До свидания, лорд Дольчестер; нам с вами не по дороге?

— Нет, я поеду домой, — отвечал Дольчестер, которому вовсе не улыбалась беседа с иностранцем.

— Я прикажу вас отвезти, профессор, — сказал сэр Гильберт, направляясь к колокольчику.

— Нет, нет, благодарю вас, — отвечал немец, вежливо останавливая его. — Я предпочитаю пройтись. До свидания. До свидания, мисс Филиппа. Вы, как я вижу, не любите хорошей музыки.

Говоря это, профессор поклонился с своей холодной и сардонической улыбкой и ушел, оставив Филиппу в досаде на самое себя за то, что она выдала свои мысли, а лорда Дольчестера — с тайным желанием «свернуть шею иностранному бродяге».

V

ДЕЙСТВИЕ ЭЛИКСИРА

Грезы — ночное порождение сна,
Духи, возмущающие наш покой;
Но все же они делают
Властелином в своих воздушных царствах
Того, кто проснется наутро жалким рабом
И увидит, что волшебные замки ночи
Были только химерой, порождением его
мозга.

«Лаунчестон, ноября 14. — Наконец-то я нашел второй том «Жиральда». Странное сцепление случайностей шаг за шагом привело меня к успешному концу. Теперь мне остается только зайти в библиотеку сэра Гильберта, взять «Жиральда» и развернуть его на странице, указанной в криптограмме.

Затем я добуду недостающее снадобье и добавлю в чудесный эликсир последний ингредиент. Я совершенно уверен, что сэру Гильберту и в голову не придет, почему я так беспокоюсь о «Жиральде». Да, правду сказать, он и не заметит, что я беспокоюсь, так как я всячески стараюсь не обнаруживать никакого интереса, кроме того, который понятен для любителя редких книг.

Он сообщил мне сегодня, что книга находится в его библиотеке, а я выслушал это сообщение с совершенно равнодушным видом, хотя каждая жилка во мне дрожала от возбуждения. Как бы то ни было, приходится подавить свое нетерпение и помаленьку добиваться цели. Сэр Гильберт всецело предан своим кни-

гам, все его желания сосредоточены на полках библиотеки. Он оставил меня обедать и представил своей дочери и ее жениху. Жених — представитель аристократии, безмозглый молодой атлет с телом Милона и «умом ящерицы», по выражению Лэндора¹. Но мисс Филиппа Харкнесс — очень странная особа. Немало времени прошло с тех пор, как я изучал Лафатера и мои сведения в физиогномике, вероятно, очень скудны, но я редко встречал такое загадочное лицо. У нее есть ум, но она им не пользуется. Насколько я мог заметить, ее образование ниже среднего. Она толкует об охоте и о лошадях и разговор ее переполнен выражениями, которых, без сомнения, нет в английском словаре, — по крайней мере, насколько я знаком с ним. Она могла бы быть умнее, если б захотела, но не захочет, потому что природа не наделила ее одной из самых могущественных страстей. У нее нет честолюбия, она совершенно довольна своей повседневной жизнью и не стремится к чему-нибудь высшему.

Странно, что благая природа так капризна. Одному она дает честолюбие и никаких талантов; этой девушке дала таланты и ни капли честолюбия.

Вечером я заметил, что мисс Харкнесс что-то невзлюбила меня. Она довольно мила и вежлива, но избегает моего взгляда и, по-видимому, чувствует себя неловко, когда я обращаюсь к ней. Должно быть, мои манеры так на нее действуют. Ученые занятия — плохая школа светских манер и я всегда стесняюсь в присутствии женщин. Я заметил также, что у нее нет души — по крайней мере по отношению к музыке. Когда я играл мою фантазию, она ее прервала каким-то замечанием насчет охоты. Ба! сердиться тут нечего! а все таки мое самолюбие было оскорблено. Я думал, что

¹ Уолтер Сэведж Лэндор (1775 – 1864) – английский писатель и поэт.

моя игра очарует всех, — оказалось, что она не действует на эту девушку. Если бы стоило ненавидеть кого-нибудь, то я возненавидел бы ее. Ее натура совершенно противоположна моей и мы чувствуем естественное отвращение друг к другу. Странно — я никогда не испытывал такого раньше. Надо подавить это нелепое чувство, так как мне придется видеть ее почти ежедневно в течение шести месяцев. Все мои мысли сосредоточены на «Жиральде». Завтра в это время я буду знать состав питья и... Пойду к ним завтра и узнаю тайну...»

Профессор Бранкель закрыл свой дневник и разделся, чтобы лечь в постель. Прежде, чем потушить лампу, он подошел к конторке и достал из нее флакон с бесцветной жидкостью. Отлив из него три капли, он выпил их. Затем снова спрятал флакон, улегся в постель и вскоре витал в царстве грез, вызванных чудесной силой эликсира.

* * *

Я стою под пологом безлунной и беззвездной ночи, освобожденный от земной оболочки — символа смерти. Моя бессмертная часть отделилась от смертной; я бестелесный дух, безымянный и бездушный, потому что я сам душа. Ничего земного не осталось во мне; я состою из эфирной субстанции, которую Бог вдохнул в человека. У меня нет чувств, физических или духовных, я голая человеческая душа, гражданин вселенной, участник вечности. Время распахнуло передо мною завесу прошлого и я вхожу в его чертоги, чтобы блуждать по многолюдным залам и созерцать пышный калейдоскоп человечества и чудные перели-

вы красок, которые пестрая суeta жизни отбросила на белую поверхность вечности.

* * *

...Я стою среди обширной арены Колизея и вижу над собой ряды кроважaдных римлян, глядящих волчьими глазами на окровавленный песок. С безоблачного, бледно-голубого неба льются потоки света, пробиваясь сквозь полог, растянутый над головами народа. Вот Гораций, только что вернувшийся с своей Сабинской фермы, беседует с Меценатом; Вергилий, с улыбкою на спокойном лице — слушает остроумный и колкий разговор Катутлла — Рочестера¹ своего времени, который забавляет своенравную Лесбию замечаниями насчет зрителей. И он, властитель мира, увенчанный розами, смотрит с ясным лицом на длинный ряд гладиаторов. *Ave Caesar!*... Битва начинается... битва Титанов... Я вижу, как сверкают их глаза... как сыплются искры с их щитов при каждом ударе. Фортуна, своенравная как женщина, расточает свои милости то одному, то другому... Вот один упал... торжествующий противник стоит над ним и обводит глазами публику, ожидая приговора... *Habet!*... И кровь побежденного льется на песок арены — ненасытный, как владыка мира...

...Неужели это Афины, сердце Греции... блистающие как бриллиант среди зеленых холмов... дом лучших умов древности?.. Широкие белые улицы, насмешливая толпа, оживленная чисто аристофановским юмо-

¹ Имеется в виду Джон Уилмот, 2-й граф Рочестер (1647-1680), виднейший сатирический и лирический английский поэт эпохи Реставрации.

ром... споры философов и их учеников под портиками, богоподобные фигуры юношей, идущих в гимназию... Да, это духовная столица мира... Огромный театр с полукругом оживленных лиц, очарованных торжественным великолепием «Агамемнона»¹... Как хорошо!.. бурная речь Клитемнестры... могучее красноречие царя народов... дикий крик Кассандры, отступающей с пророческим ужасом от окровавленного треножника... Хор...

(Далее почерк в дневнике становится совершенно неразборчивым).

Приветствую тебя, царица с белоснежной грудью и огненными глазами... Куда ты смотришь так жадно с могучих стен Трои?.. Елена... прекраснейшая из женщин, твоя роковая красота покорила гордые башни Илиона. Не думаешь ли ты, что огонек, светящийся вдали точно кровавая звезда, мерцает в шатре твоего оскорбленного супруга...

...Он возжигает погребальный костер Патрокла и освещает мрачное лицо Ахилла, глядящего гневными глазами на виднеющиеся вдали стены Трои... Горе! Горе! Близок конец, о, царица... Твоя роковая краса навлекла гибель на Илион... и судьба уже изрекла неотвратимый приговор... Горе! горе!

...Хитроумный Улисс с морщинами мореплавателя у глубоко посаженных глаз, скажи мне, куда ты стремишься?.. В Итаку!.. Отталкивай корабли от троянских берегов... Распускай паруса для десятилетних скитаний, и поплывем по бурным пучинам опасного моря к твоему родному острову... Как бурлит и пенится под рукою ветров безбрежное море... соленое дыхание вздымающихся полей пены... Что за пурпурная полоса ту-

¹ Трагедия древнегреческого драматурга Эсхила, впервые представленная в 458 г. до н. э.

скло посверкивает вдаль... Лотофаги... (Здесь дневник невозможно разобрать). Вон нимфы играют в кристальных водах... сверкают их белые тела, окутанные прядями распущенных волос... Итака... Причаливай к желанному берегу, где ожидает тебя верная Пенелопа... Ах, Итака!..

* * *

...О, звуки музыки... легкие шаги девушек-рабынь, разносящих цветы... варварский блеск пурпура и золота... воинственные фигуры римских солдат.... и она — нильская змейка — идет к своему любовнику-римлянину... Ах, Клеопатра... Египтянка... Он с ясным лицом простирает к тебе руки, он возложит на свое чело алмазную корону мира, но все для тебя, чернобровая цыганка... Слышишь, как гремит музыка... Он идет... Антоний.

...Египет, таинственный и чудесный, окутанный седым туманом древности... Длинные ряды дворцов... вереницы раскрашенных фигур по стенам... загадочные иероглифы... Подними покрывало, скрывающее твое лицо, о, Изида... Вон сфинксы в торжественном молчании смотрят широко открытыми глазами на таинственные пирамиды... О, таинственный Египет... Привет вам... Озирис... Тот...

(Здесь дневник становится неразборчивым).

...Бей в бубен, Мариам, пророчица Господа, пой победную песнь. Ее великий брат возвышается над освобожденным Израилем... Голгофа... Крест... Кто висит на нем, неподвижный и безжизненный?... Вечернее небо алеет и крест навис над Иерусалимом, как громовая туча... Так это правда... то, что я считал басней... Ты

умер за человечество, Христос?.. О, не поднимай отягченных скорбью глаз, Назарянин... Как струится кровь из-под Твоего тернового венца... Пророк... Христианство... Я в бесконечном пространстве... в центре вселенной... среди зарождающихся миров... Неужели эта огненная масса — земля?.. Я у врат мироздания... Открывайтесь... Бог!.. Огонь!.. Хаос!..

Наступает утро и спящий пробуждается к яви жизни.

VI

ПОСЛЕДНИЙ ИНГРЕДИЕНТ ЭЛИКСИРА

Это лекарство более редкое,
чем все ароматы Востока.

Филиппа сидела у окна столовой в охотничьем платье. Она собиралась на охоту с лордом Дольчестером и ожидала его прихода с некоторым нетерпением, так как ей хотелось поскорей взобраться на седло. Она читала «Поле», свою любимую газету, изредка поглядывая на часы или наклоняясь погладить собаку, лежащую у ее ног. Наконец она со смехом встала, бросила газету на пол и пошла на террасу в сопровождении собаки.

Было холодное, ясное утро; дул свежий ветерок, от которого разгорались щеки Филиппы. На террасе собралась стая голубей, но при виде Филиппы они улетели и закружились белыми пятнами в холодном синем небе. Мисс Харкнесс полюбовалась на это зрелище, а затем, ущипнув собаку за ухо, принялась разговаривать сама с собой.

— Что за несносный человек этот Джек; вечно опаздывает; вот уже полчаса против назначенного времени. Папа работает; пойду, поздороваюсь с ним.

Окно библиотеки было отворено: она вскочила в него и подошла к отцу. Он сидел за столом, углубившись в какую-то книгу, и с растерянным выражением уставился на нее, когда она дотронулась до его плеча.

— Вечно за работой, папа, — сказала она. — Почему бы тебе не съездить на охоту вместо того, чтобы кор-

петь целый день над этими пыльными старыми книгами?

— Бог мой, Филиппа, что ты говоришь, — отвечал он недовольным тоном. — Стану я терять время? При том же, профессор Бранкель обещал зайти сегодня.

Филиппа молча повернулась и пошла на террасу, где остановилась в глубокой задумчивости, машинально ощипывая листики кипариса. Собака улеглась подле нее, уткнулась мордой в лапы и, полузакрыв один глаз, следила другим за своей госпожой. Мысли мисс Харкнесс были не особенно приятного свойства. Она совсем забыла про немца, и замечание отца напомнило ей о существовании этого неприятного господина. Было в нем что-то такое, что крайне не нравилось ей. Не отличаясь особенной силой воображения, она, однако, чувствовала на себе магнетическую силу его глаз и снова подумала о Кристабели.

— Хорошо, что я уеду на целый день, — пробормотала она, — вероятно, он уйдет до моего возвращения, если, конечно, отец не пригласит...

— Филь! Филь! — крикнул чей-то голос почти под ее ногами и, взглянув вниз, она увидела своего милого верхом на великолепном коне, красивого и свежего, каким и подобает быть молодому британцу, проскакавшему пять миль в холодное утро, в надежде увидеть свою возлюбленную в конце пятой мили.

— Как ты поздно, Джек! — воскликнула она, сбегая вниз. — Я дожидалась около часа.

— Не мог вырваться, — отвечал лорд Дольчестер, слезая с коня и с гордостью глядя на прекрасное оживленное лицо. — Управляющий хотел посоветоваться со мною и я насилу отделался от него.

Это объяснение было принято довольно снисходительно и Джек, передав груму поводья своей лошади, приготовился помочь Филиппе сесть на коня.

Она весело засмеялась, поставила ножку на его руку и в следующее мгновение была уже в седле. Затем собрала поводья и ударила лошадь хлыстом, отчего та завертелась на месте.

— Готова ли ты, Филь? — спросил лорд Дольчестер, вскочивший на коня.

— Да, да, сэр, — и они помчались по аллее, возбуждая удивление в грумах своим искусством.

— Редкая парочка, — сказал один грум другому.

— Да, лучше не найдешь во всем округе, — и они со смехом ушли в дом.

Тотчас за воротами парка, мисс Харкнесс и ее милый встретили профессора Бранкеля. Сердце Филиппы дрогнуло, когда она встретилась с его огненными глазами.

— Доброго утра, мисс Харкнесс, — сказал профессор, — вы уже принялись за свое любимое занятие. Я к сэру Гильберту.

— Вы найдете его в библиотеке, — сказала Филиппа, холодно кивнув головой, тогда как Дольчестер ограничился коротким «здравствуйте».

Профессор с усмешкой смотрел, как они ехали, смеясь и распевая, и чувство зависти к их счастью, смутившее сатану при виде Адама и Евы, шевельнулось в его сердце.

О, Ад, какое горькое зрелище для твоих глаз!¹

Чувство это, впрочем, быстро рассеялось и, пожав плечами, он пошел дальше.

Его немедленно впустили в библиотеку, владелец которой нетерпеливо дожидался его прихода.

¹ Цитата из «Потерянного рая» английского поэта и мыслителя Д. Мильтона (1608-1674).

— А, профессор! — сказал он, горячо пожав ему руку. — Добро пожаловать, я желал бы выяснить один темный пункт; но сначала должен показать вам мои сокровища.

Профессор охотно согласился, так как и он почувствовал радость библиомана, очутившись среди этих книжных богатств. Целый день они рассматривали сокровища на полках; позавтракали кое-как, на скорую руку, торопясь вернуться к духовному пиршеству. Сэр Гильберт почуял в профессоре своего брата и до вечера излагал ему свои любимые теории. Все это время хитрый профессор думал о «Жиральде», но не спрашивал о нем, опасаясь, что излишняя поспешность с его стороны возбудит подозрение в ревнивом сердце книжного червя. Он навел разговор на тему, которую баронет затронул в момент его прихода.

— Вы хотели выяснить какой-то пункт, — сказал он, пристально взглянув на сэра Гильберта.

— Да, да, — подхватил баронет, — насчет открытия философского камня. Можете вы указать мне какое-нибудь хорошее сочинение об этом предмете?

— Да вот, например, «Жиральд», — сказал профессор, сердце которого усиленно забилося.

— Но ведь он малоизвестный химик, — возразил сэр Гильберт.

— В устрицах можно найти жемчуг, — спокойно отвечал профессор, — этот малоизвестный химик дает лучшее описание философского камня, какое мне случилось читать.

— Я думал, что вы не читали «Жиральда», — заметил сэр Гильберт.

Профессор почувствовал себя на опасной почве.

— Да, — отвечал он холодно, — но я сужу по цитатам, которые мне встречались у других авторов. Слов-

жив их воедино, я пришел к заключению, что сочинение Жиральда лучше других освещает этот вопрос.

— Так я принесу книгу и вы мне укажете места, относящиеся к нашему предмету, — отвечал сэр Гильберт и отправился за книгой.

Профессор с замирающим сердцем дожидался его возвращения, сидя в кресле у письменного стола. Наконец-то его желания исполняются и через несколько минут он узнает название заветного снадобья. Баронет вернулся и положил на стол старую желтую книгу, первый том которой лежал в гейдельбергском кабинете профессора. Он взял книгу, стал небрежно перелистывать ее, едва скрывая внутреннюю дрожь.

— Не мешало бы достать еще фон Гельма, — сказал он, взглянул на баронета. — Я думаю, что он окажется для нас полезным.

Сэр Гильберт поспешил исполнить его просьбу, и профессор, оставшись один, поднес «Жиральда» к окну, развернул на десятой странице, отыскал четвертую строчку вверху и провел по ней пальцем до пятого слова:

— Кровь девушки...

Когда сэр Гильберт вернулся, Бранкель стоял у окна, перелистывая книгу. Протягивая ему фон Гельма, баронет взглянул на него и отшатнулся:

— Боже мой! что с вами?

Холодный блеск заходящего солнца озарял лицо немца, тогда как остальное тело его находилось в тени. Лицо это было бледно как смерть, покрыто каплями пота, и со своими густыми бровями, включенными волосами, тонкими насмешливыми губами казалось воплощением врага человеческого рода — современного Мефистофеля. Услышав слова баронета, он повернулся к нему с холодной улыбкой и лицо его быстро приняло обычное выражение.

— Небольшая дурнота, — сказал он, возвращаясь к столу, — теперь прошло.

Баронет недоверчиво взглянул на него и предложил выпить вина, подкрепиться.

— Благодарю вас, не нужно, — отвечал профессор, сжимая книгу в одной руке и помахивая другой. — Со мной случаются иногда такие припадки. Но теперь я совершенно оправился. Вот, я нашел место, относящееся в философскому камню.

Вскоре они углубились в книгу.

Профессор отказался от обеда, сказав, что он уже приглашен, и ушел домой. Тут он вошел в спальню и, достав дневник, принялся писать.

Ноября 15. — Наконец-то я разрешил задачу, которая занимала меня столько дней. Я достал второй том «Жиральда» и, отыскав указанную страницу, убедился, что недостающее снадобье — «кровь девушки». Чтобы довершить силу эликсира, я должен примешать к нему кровь сердца невинной девушки. Это ужасное снадобье и трудно мне будет достать его, но не отступлюсь от своей цели, потому что мой долг — довести эликсир до полного совершенства. Но где же мне достать кровь девушки?

Убийство вообще-то карается смертной казнью. Ба! Какое мне дело! Убийство ради науки не убийство. Если бы оказалась нужной моя кровь, я не медлил бы ни минуты, но с радостью отдал бы ее, чтоб довершить великое открытие. Для того, чтобы вырвать тайну у великой матери, Природы, нужно умиловить ее жертвами. Сколько людей было убито ради гораздо менее важных целей. Дочь Агамемнона была принесена в жертву родным отцом для умиловления Артемиды, а я... неужели я поколеблюсь принести в жертву женщину на алтаре науки? Тысячу раз нет! Дело

науки должно подвигаться вперед хотя бы даже ценою человеческих жертв, и я, которому судьба предназначила открыть миру эту тайну, — я не отступлю перед своей задачей.

Все готово: алтарь, жрец и жертва, потому что мисс Харкнесс суждена честь отдать кровь своего сердца для великого открытия. Я решил, что она умрет, и какая честь может быть выше! Бросаются же индусские девушки под колесницу своего бога; так неужели англичанка побоится умереть ради науки? Я не могу открыть ей эту тайну: в душе ее так мало честолюбия, что она не поймет величия своей роли и, без сомнения, откажется. Я должен заманить ее к себе и убить.

Это ужасно, слова нет, но если где применимо иезуитское правило: «цель оправдывает средства» — так именно в данном случае. Если бы я верил в Верховное Существо, я умолял бы его о помощи, но я не верю и потому преклоняю колени перед тобой, о, Наука, и прошу тебя помочь мне. Кровь одной этой девушки принесет человечеству больше пользы, чем кровь тысяч убитых при Марафоне или Ватерлоо.

VII

ВОЛЬФДЕН

Добрые господа! Умоляю вас, будьте осторожны; в этом доме водятся духи, каждый шаг пробуждает сотни врагов, которые могут наделать нам беды.

Это был странный, старый дом, выстроенный из дикого камня и почти сплошь заросший темно-зеленым плющом. Местами камни расселись и растрескались от времени, так что держались только благодаря обвивавшим их веткам. Вообще это был красивый, живописный дом, выстроенный в елизаветинском стиле, с узкими стрельчатыми окнами, высокими трубами причудливой формы и башенками по углам. Под крышей, где ласточки ежегодно вили гнезда, над большими дубовыми дверями, по краям окон — всюду виднелись уродливые лица, вырезанные из камня; казалось, домовые выглядывают из заброшенного дома. Трава зеленела в щелях между каменными плитами на балконе; широкий двор зарос чертополохом, всюду виднелась сероватая плесень. Ставни, сорванные ветром, валялись в траве под окнами, другие висели на петлях, качаясь и скрипя при каждом порыве ветра.

Когда-то этот дом отличался роскошным убранством и низкие потолки широких комнат были украшены превосходной живописью. Но широкие дубовые лестницы, по которым поднималось столько поколений, покрылись слоем пыли, и бледная луна, заглядывая в расписные окна, видела только пустые комнаты с изменчивыми тенями. Но не одна заброшенность

этого дома делала из него предмет ужаса для местного населения. Говорили, что над ним тяготеет проклятие, потому что владелец его удавился, устроив в последний раз оргию на остатки своего состояния. В обширной обеденной зале до сих пор висел обрывок веревки, на которой он окончил свою жизнь. Сюда пришел он после той последней ужасной оргии — выпив до дна кубок жизни и почувствовав горечь ее осадка — пришел и самовольно переселился в иной мир. Говорили, что его дух является по ночам на место прежних безумств и оплакивает прошлое, которого уже не переделаешь. Но свет, являвшийся перед его приходом, был, по всей вероятности, блеск луны сквозь цветные окна, а ветер, завывавший в опустелых комнатах, принимали за голос духа. Однако, крестьяне возмущались такими объяснениями и твердо верили, что, вопреки всем уверениям современной науки, духи существуют и один из них посещает Вольфден.

По смерти последнего сквайра имение перешло в управление лорда-канцлера нему и дом был заброшен и запущен. Никто не соглашался снять его, даже в наш скептический век, так как местность была болотистая и туманная. Когда немецкий профессор поселился в нем, все удивлялись его смелости, а деревенские кумушки рассказывали шепотом, что он сам знаком с чернокнижием и потому не боится обитателей Вольфдена. Суеверие находило много последователей среди этих пустынных холмов, и чужестранец, так резко отличавшийся от местных жителей, возбуждал немало страшных подозрений.

Профессор не занимал всего дома, но только несколько комнат в правом крыле. Над его квартирой находилась восьмиугольная комната, которую он превратил в лабораторию для каких-то химических опытов. Свет виднелся в этой комнате далеко за полночь, по-

тому что профессор больше любил работать по ночам, чем днем. Целый день он возился в библиотеке, перебирая книги и помогая баронету составлять историю химии. Сэр Гильберт был единственный человек в замке, с которым профессор оставался в дружеских отношениях. Филиппа явно избегала его, да и лорд Дольчестер не скрывал своей антипатии, на которую профессор от всего сердца отвечал тем же. Профессор постоянно следил за Филиппой, выжидая случая заманить ее к себе, так как твердо решился исполнить свой план, — убить девушку и добыть необходимый ингредиент. Филиппа постоянно встречала упорный взгляд его магнетических глаз, блиставших как две зловещие звезды, отравлявшие ее жизнь своим дурным влиянием. Она начала худеть и бледнеть под этим постоянным надзором. Природа не могла выносить такого напряжения, и Филиппа убедилась наконец, что заболит, если не избавится от профессора. Тогда она приняла неожиданное решение, о котором сообщила Джеку:

— Джек, — сказала она однажды вечером, когда они сидели одни в гостиной, а профессор с сэром Гильбертом толковали о научных вопросах за бутылкой вина, — веришь ты в дурной глаз?

Лорд Дольчестер, лениво смотревший на огонь, встретился.

— Господи, Филиппа, что за странные у тебя мысли? — сказал он недовольным тоном.

— Я думаю, что у профессора дурной глаз, — мрачно продолжала она. — Всякий раз, когда я взгляну на него, я встречаю его взгляд.

— Предоставь мне разделаться с ним и я выбью ему глаза, — свирепо сказал Джек.

— Не говори глупостей, — возразила Филиппа, ничуть не тронутая этим великодушным предложением, — он друг папà.

— Он, однако, не остановился у вас, — сердито отвечал Дольчестер, пожав своими широкими плечами.

— Это все равно, — спокойно отвечала Филиппа, — он просиживает у нас по целым дням. Но вот что я тебе скажу, Джек, — я больше не могу выносить этого, я заболела.

— Да, ты что-то похудела, — сказал Джек, окидывая ее беспокойным взглядом.

— Поэтому я решила съехать в Лондон к тетке Гертруде.

— О!

Лорд Дольчестер вздрогнул. Он очень хорошо помнил эту почтенную матрону с высоким лбом и римским носом, так как она преследовала его в течение нескольких лет, проча его в мужа одной из своих дочерей, которые также обладали высокими лбами и римскими носами.

— Не корчи гримас, Джек, — улыбнулась Филиппа, зная от него о преследованиях, которым он подвергался со стороны ее кузин, — ты можешь остаться здесь.

— О, об этом я не думаю, — возразил Дольчестер. — Я не боюсь, теперь я жених.

— Джек, — торжественно сказала его возлюбленная, лукаво сверкнув глазами, — умоляю тебя, не доставляй моим кузинам случая отнять у меня твое сердце. Ты знаешь, что наше обручение не может служить помехой, а до какого совершенства довели они искусство пленять мужчин, — о, лорд Дольчестер!

— Пусть попробуют, — отвечал Джек, весело смеясь при этой мысли, — я готов рискнуть, Филь.

Так и решили. Филиппа написала тетке и получила от нее нежнейший ответ, в котором сообщалось, что тетка будет ей душевно рада, и что на зиму они едут в Южную Францию; поедет ли с ними милая Фи-

липпа? Милая Филиппа готова была ехать на северный полюс, лишь бы избавиться от ужасных глаз профессора. Итак, она принялась укладываться и назначила день отъезда.

* * *

Вольфден, ноября 22. — Не везет мне с эликсиром! Я так же далек от исполнения моих желаний, как и прежде. Мисс Харкнесс упорно избегает меня и я не могу найти случая остаться с ней наедине. Ее проклятый любовник всегда с ней и, как я подозреваю, не поколеблется нанести мне личное оскорбление. Он ненавидит меня и нисколько не старается скрыть этого. Это грустно, потому что мешает исполнению моего плана. Я приглашал мисс Харкнесс сюда, но она решительно отказывается приходить, и порой я в отчаянии думаю, что мне не удастся ее заполучить. В довершение моих затруднений, она собирается уехать в Южную Францию, где, по ее словам, останется надолго. Я же не могу остаться в Англии более полугода; итак, если она уедет, я, по всей вероятности, потеряю ее из вида. Впрочем, еще неделю она пробудет здесь; надо придумать какой-нибудь способ добиться моей цели. Мне часто приходит в голову, что если я убью ее, то буду иметь дело с законами Англии. Закон не симпатизирует священному делу науки и повесит меня за убийство (как он назовет мой поступок) так же спокойно и беспристрастно, как обыкновенного преступника, до смерти забившего свою жену. Приходится примириться с этим; если я хочу довести до совершенства великое открытие, то должен сделаться жертвой закона. Но мое открытие будет жить; и меня будут помнить,

как мученика науки. Я завещаю мой дневник, если меня приговорят к повешению за принесение этой девушки в жертву науке, какому-нибудь ученому моей родины; он издаст его и все увидят, как постепенно дошел я до увенчания дела моей жизни. Меня будут чтить, как мученика; итак, я не отступлю перед поступком, который предаст меня в руки закона. «Кровь мучеников — семя церкви», и моя смерть только средство сообщить миру тайну эликсира, благодаря которому люди будут знать и прошедшее, и настоящее, и будущее. Они получают возможность предотвращать бедствия, которые обрушились бы на мир, если б будущее оставалось темным. Что значат ничтожные физические страдания в сравнении с великолепной будущностью, которая предстоит миру благодаря мне? Я решился — я готов погибнуть мучеником науки, жертвой невежества, и на моей могиле будет написано только одно слово: «*Recurgam*»!¹

* * *

Раз! с соседней колокольни доносятся тяжелые гулкие удары. Полночь. В этот час духи посещают землю. Они встают из земных могил; скелеты убийц спускаются с виселиц; души богачей выходят из склепов. Воздух наполнен призраками; их бестелесные формы кружатся в нем, как осенние листья.

Вольфден, угрюмый и мрачный покоится в сиянии луны; мириады звезд смотрят на него, но не могут рассеять окутывающей его тени. А его жилец, — присоединился ли он к духам, реющим в воздухе, или меч-

¹ Я вновь восстану, воскресну (лат.).

тает об исполнении своего отвратительного замысла? Сумасшедший он? Его могучий эликсир — порождение расстроенного мозга? Или он в самом деле гений и сделал великое открытие?

Как тиха ночь; слышится только ропот реки, катящей свои волны в безбрежное море. Несколько барок виднеются на ней: черные, неуклюжие массы, точно повисшие в центре огромного моря между усеянным звездами небом вверху и его отражением внизу. Крик совы раздается с колокольни, в ответ ему слышится другой из Вольфдена, затем колокол: раз! два!

Поднялся ветер; колокол пробудился и заунывные, дикие звуки разнеслись среди пустынных холмов. Как загудело в обеденной зале! Обрывок веревки закачался взад и вперед. Дух старого сквайра что-то не является сегодня. Ставни затряслись, закрипели на ржавых петлях; вот одна оборвалась, рухнула вниз и ветер понесся далее, как будто радуясь своему делу. Виррр... как загудело в трубе... лаборатория... какая армия склянок, какие странные кабалистические аппараты. В печке еще тлеют угли... Как они вспыхнули и заискрились, точно гневный глаз Циклопа. Пойдемте вниз по старинной дубовой лестнице, на которую луна бросает кровавый отблеск сквозь цветные стекла. Вот и спальня профессора. Ветер развеивает гардины, и бледный луч месяца освещает его лицо. Дух ли оживляет это тело или лишь надежда на открытие великой истины? Как бледно лицо, каким мертвенным кажется в рамке черных волос, разбросанных по подушке. Как судорожно стиснуты его руки! Тень пробегает по его лицу. Что это, дух возвращается в тело? или тучка прошла перед луной? Безумен ли он? Неужели за этим высоким лбом роятся только безумные грезы расстроенного мозга? Кто знает? Только время разрешит эту загадку. Оставим его с его грезами и фантазиями. Ско-

рее к морю, где огромные корабли рассекают седые волны. Дальше, дальше! Смотрите, как тучи несутся по небу! как вздымаются седые валы Атлантики! Ветер на просторе разгуливает среди купола черных туч, нависших над кипящими пучинами океана.

VIII

В ЛАБОРАТОРИИ

Лишь только человек
Добрался до вершины своих желаний,
— Стой! — кричит Смерть, — и вот он
падает вниз.

Перед самыми воротами Вольфдена стоял огромный куст боярышника и его обнаженные от листьев ветки тряслись и качались во все стороны под напором ноябрьского ветра. Дождь лил как из ведра, небо оделось тучами и нигде не было видно просвета, обещавшего хорошую погоду.

Под кустом, стараясь укрыться от дождя, стояли лорд Дольчестер и его невеста. Они пошли гулять и гроза захватила их у ворот Вольфдена.

Джек старался укрыть Филиппу под кустом, но они могли бы остаться и в открытом поле, потому что защита была призрачная. До замка оставалось еще с четверть мили, бури и конца не предвиделось, а укрыться можно было только в Вольфдене, куда Филиппа ни за что не хотела идти.

— Я не пойду туда, пока там живет этот ужасный человек.

— Я тоже не люблю его, — сердито отвечал Дольчестер, — но стоит ли тебе рисковать здоровьем из-за этого? У нас даже нет зонтика. Вольфден ближайшее место, где мы можем укрыться; буря скоро пройдет, почему бы не переждать ее там?

Филиппа бросила кругом себя отчаянный взгляд. Дождь лил не переставая; всюду виднелись лужи. На

ней была шубка, но ноги ее промокли совершенно, так что в конце концов она согласилась воспользоваться гостеприимством профессора.

— Нищим выбирать не приходится, — сказала она с досадой. — Пойдем, Макдуф¹.

Макдуф (иначе лорд Дольчестер) отворил ворота и, пропустив Филиппу, захлопнул их. Дом выглядел еще угрюмее и пустыннее под дождем, но им некогда было рассматривать его. Они поспешили к подъезду и вскоре стояли перед огромной дубовой дверью. Джек изо всех сил постучал молотком и через несколько минут профессор самолично отворил им дверь. Он очень удивился при виде гостей и тут же решил про себя привести в исполнение свой план, раз уж стихии сами отдали жертву в его руки.

— Пройдемте наверх в мою лабораторию, — сказал он, пожимая руку Дольчестеру, которому эта любезность, по-видимому, вовсе не доставила удовольствия, — это единственная комната в доме, в которой есть огонь.

— Благодарю, я останусь здесь, — холодно сказала Филиппа, глядя из двери на потоки дождя.

— Позвольте вам заметить, мисс Филиппа, — отвечал профессор, — что я немножко доктор и предсказываю вам простуду, если вы останетесь здесь в мокром платье.

— Лучше пойдем, Филь, — вмешался Джек, отряхиваясь, как мокрая собака, — я тоже пойду.

Профессор остался очень доволен этим решением и пошел вперед, показывая путь в лабораторию.

Это была восьмиугольная комната с высоким стрельчатым окном с разноцветными стеклами и огромной

¹ Макдуф – тан Файфа, одолевший и убивший Макбета в трагедии Шекспира «Макбет».

печью напротив него. Всюду виднелись аппараты и склянки с реактивами; на столике лежали письменные принадлежности.

Напротив входной двери виднелась другая, маленькая, крепкая, обитая железными полосами; она была полуоткрыта, но за ней ничего не было видно.

Профессор ввел своих неожиданных гостей в эту мастерскую науки и, извинившись за беспорядок, усадил Филиппу в кресло перед печью. Затем, приоткрыв дверцу, чтобы впустить в комнату больше тепла, он спросил, не желают ли гости вина. Оба отказались и профессор стал придумывать способ отделаться от Дольчестера.

Джек заинтересовался странными аппаратами, и сообразительный немец, заметив это, начала рассказывать ему о различных опытах. Филиппа задумчиво глядела на огонь, в то время как они расхаживали взад и вперед по комнате. Случайно Дольчестер очутился перед обитой железом дверью.

— Что там у вас, профессор? — сказал он, отворяя ее настежь.

У профессора засверкали глаза. Вот случай удалить Дольчестера.

— Посмотрите сами, — сказал он, смеясь.

Джек, подстрекаемый любопытством, вошел, а профессор затворил за ним дверь. Она была с механическим затвором и захлопнулась с резким звуком, который вывел Филиппу из задумчивости.

— Где лорд Дольчестер? — сказала она, вставая и оглядываясь с беспокойством.

— Там, — отвечал профессор, указывая с торжествующим смехом на дверь.

— Эй, профессор, выпустите меня, — крикнул Джек, стуча в дверь.

Профессор не обратил внимания на его крик и по-
дошел к Филиппе.

— Отворите ему, профессор, — сказала она с наруж-
ным спокойствием, которого вовсе не чувствовала, так
как пугалась блеска его глаз. — Мы можем идти; буря
стихла.

Профессор не отвечал, но, открыв ящик стола, дос-
тал из него длинный стальной нож и с ужасной улыб-
кой попробовал на пальце лезвие. Сердце Филиппы
замерло; она готова была лишиться чувств, но собра-
ла все свое мужество, и оправилась.

— Молодая леди, — медленно произнес профес-
сор, глядя на нее с торжествующей улыбкой. — Нес-
колько месяцев тому назад я сделал великое откры-
тие, но для завершения труда требуется одна вещь. А
именно — кровь невинной, чистой девушки. Я выбрал
вас для осуществления этого великого замысла, для по-
знания высших тайнств Природы. Ваша жизнь будет
коротка, но слава вечна.

Филиппа содрогнулась при виде блестящего лезвия
и дико горящих глаз профессора.

— Великая честь, — продолжал он тем же бесстраст-
ным тоном, — оказать содействие делу науки. Что зна-
чит смерть? Мгновенное страдание и все кончено. Го-
товы ли вы?

Бедная девушка шептала молитву и в ужасе смот-
рела на сумасшедшего.

— Вы были гостем в доме моего отца, — сказала она
резким голосом, который показался ей самой ненату-
ральным. — Неужели вы решитесь обагрить ваши руки
кровью его дочери?

— Это великая честь, — повторил безумец с жесто-
кой улыбкой, проводя большим пальцем по лезвию но-
жа. — Готовьтесь.

Филиппа при его приближении отступила к окну и оглянулась, ища какого-нибудь оружия. На окне подле нее стояла большая бутылка с каким-то реактивом. В обыкновенное время она не смогла бы поднять ее, но опасность удесятерила ее силы, и, схватив бутылку, она повернулась к немцу.

Теперь он стоял против печки и она видела огонь, пылавший позади его.

— Еще шаг и я брошу в вас этим, — крикнула она с бешенством, стискивая зубы.

— Это великая честь, — повторил он с безумной улыбкой и шагнул к ней.

Она в отчаянии закрыла глаза и изо всех сил швырнула в него бутылкой. Задев за плечо сумасшедшего, бутылка заставила его пошатнуться и полетела в печь. Раздался страшный взрыв и Филиппа, падая в обморок, успела только увидеть перед глазами стену пламени...

* * *

Между тем Джек, чувствуя, что в лаборатории творится что-то неладное, с удвоенной силой колотил в дверь, но, убедившись, что она не поддается его усилиям, стал искать другого выхода.

Он находился в узкой, длинной комнате, на противоположном конце которой было небольшое окно, сквозь которое проходил слабый свет. Джек бросился к окну и распахнул его. Под ним оказался карниз, тянувшийся вокруг всего дома и отстоявший от земли футов на двадцать. Но плющ, обвивавший стены, представлял естественную лестницу. Джек не колебался ни минуты и быстро спустился вниз. Как он добрался до

земли — он и сам не понимал; но, почувствовав под ногами твердую почву, он обежал дом, ворвался в дверь, которую профессор оставил открытой и бросился вверх по лестнице.

Дверь лаборатории была заперта. Но она не могла противостоять его атлетической силе и, выбив ее плечом, он ворвался в комнату, полную дыма. Он споткнулся о что-то валявшееся на полу и, нагнувшись, увидел тело профессора, лежавшее в луже крови.

Он с криком перескочил через него и нашел Филиппу в обмороке под окном, поднял ее на руки и понес вниз по лестнице, громко призывая слуг.

Когда они явились, он послал их наверх посмотреть, что с профессором и, положив Филиппу на диван, брызнул ей в лицо водой. Она с глухим стоном открыла глаза и, увидев наклонившееся над ней лицо Джека, с судорожным рыданием уцепилась за его руку.

— О, Джек, — прошептала она, — что случилось?

— Желал бы я знать это, — с тревогой отвечал Джек.

— Профессор хотел убить меня, — сказала она, глядя на него помутившимися глазами, — а я пустила в него бутылку. Она упала в огонь, последовал взрыв и больше я ничего не знаю.

Джек ничего не сказал, но, велел слугам сходить за полицией, отвез Филиппу домой.

* * *

Разумеется, эта история наделала шума. Профессору оторвало при взрыве часть черепа и смерть, без сомнения, была мгновенная. В бутылке, очевидно, заключалось какое-нибудь взрывчатое вещество. Его похо-

ронили в Англии, известив о кончине его родных в Германии.

Сэр Гильберт ужаснулся, узнав о случившемся, и при шел к заключению, как и все, впрочем, что немец был сумасшедшим. Нервное потрясение не обошлось Филиппе даром, и она долго была больна.

Теперь она леди Дольчестер, обожаемая своим супругом.

Дневник профессора попал в руки сэра Гильберта и Филиппа узнала из него страшную цепь событий, чуть не приведших ее к гибели.

Джек гордится храбростью своей жены, но она не может вспомнить без содрогания ужасную минуту, когда профессор открыл ей свою тайну.

Примечание д-ра Эндрюса. — Я посетил сэра Гильберта Харкнесса и нашел в его библиотеке дневник покойного профессора Бранкеля. Я прочел его и глубоко заинтересовался работой этого больного мозга. У сэра Гильберта оказался флакон с чудесным эликсиром профессора; я проанализировал эту жидкость и убедился, что ее главная составная часть была опий. Без сомнения, он-то и порождал видения и галлюцинации, описанные в дневнике. Действительно ли он нашел и разобрал криптограмму, — я не знаю, но думаю, что то количество опия и других веществ, которые он принимал, должно было довести его до помешательства.

Судя по первой части его дневника, я склонен думать, что в нем уже раньше были зародыши помешательства, которые развились под влиянием эликсира.

Я получил от сэра Гильберта позволение напечатать ту часть дневника, которая относится к этому про-

исшествию, и дополнил ее со слов леди Дольчестер и ее супруга.

Видение, описанное в V главе, показалось мне особенно странным. По-видимому, это краткий и красочный отчет о галлюцинациях сновидца, набросанный, вероятно, тотчас по пробуждении. Он написан наскоро и таким неразборчивым почерком, что местами я не мог ничего понять.

Внутренняя работа человеческой души всегда интересна. Это обстоятельство в связи с странной цепью событий, связующих душу с внешним миром, заставило меня обнародовать историю, рассказанную выше. Без сомнения, нет пословицы справедливее той, которая гласит: «Действительность страннее вымысла».

Об авторе



Фергус Райт Хьюм (Юм, 1859-1932) – один из самых известных и плодовитых мастеров викторианского детектива. Родился в 1859 г. в семье врача, управлявшего Ворчестерширским домом умалишенных для бедняков. В 1863 г. семья эмигрировала в Новую Зеландию, где отец Хьюма открыл первую частную психиатрическую больницу.

Хьюм изучал юриспруденцию в университете Отаго; в 1885 г. переехал в Мельбурн, работал помощником адвоката и мечтал стать драматургом. Пытаясь добиться известности, сознательно решил стать подражателем популярного Э. Габорио, тщательно изучил как его романы, так и жизнь мельбурнского «дна» на Литл-Брук-стрит, тогдашнем центре публичных домов, притонов и подозрительных гостиниц.

Первый роман, «Тайна хэнсомского кэба», Хьюму пришлось напечатать за собственный счет – по его словам, издатели «отказывались даже взглянуть на рукопись, полагая, что житель колонии ничего достойного написать не в состоянии». Успех романа, опубликованного в 1896 г., был молниеносным – 100 000 экземпляров первых двух изданий разошлись в Австралии, 300 000 в Англии в первые шесть месяцев продаж, еще 500 000 в США и т.д. Позднее роман был переведен на множество языков, вклю-

чая русский (под названием «Тайна двухколесного экипажа») и несколько раз экранизировался. Некоторые исследователи считают его самым популярным викторианским детективом и «наиболее сенсационным» детективным романом XIX в.

Хьюм стал знаменит, однако книга принесла ему всего 50 фунтов – писатель поспешил продать права. Тем не менее, он предусмотрительно оставил за собой права на постановку, а невероятный успех книги позволил ему в 1888 г. переехать в Лондон. Несколько лет спустя Хьюм поселился в Эссексе, где – за исключением коротких путешествий во Францию, Швейцарию и Италию – прожил до самой смерти. За свою жизнь он написал более 100 детективных и приключенческих романов, но ни один из них не сравнился по популярности с первым.

Короткая повесть «Тайна профессора Бранкеля», судя по всему, отразила семейные впечатления Хьюма; первое ее издание вышло с подзаголовком «Психологический этюд». Это издание, предназначенное для продажи в железнодорожных киосках, было напечатано в 1886 г. и ныне считается исключительно редким.

Анонимный русский перевод повести был впервые опубликован в 1893 г. в ноябрьском номере «Вестника иностранной литературы». Данный текст и лег в основу нашего издания. Орфография и пунктуация были приближены к современным нормам; в тексте восстановлены довольно многочисленные пропуски и исправлены некоторые ошибки перевода.

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.